

Андрей Франц

*Беспредел
и тирания*

Историко-политические очерки
о преступлении и наказании

Андрей Франц

**Беспредел и тирания. Историко-
политические очерки
о преступлении и наказании**

«Издательские решения»

Франц А.

Беспредел и тирания. Историко-политические очерки
о преступлении и наказании / А. Франц — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-743630-8

Что есть тирания? Абсолютное зло из учебников политологии или
естественная реакция общества на социальный эгоизм властвующих элит?
А сами элиты? Соль земли и цвет общества или сложноорганизованный
социальный паразит, неизменно ввергающий подчиненный социум в кризисы
и катастрофы? Об этом размышляет автор, всматриваясь в тиранические
режимы, — начиная со старших греческих тираний и заканчивая правлением
Ивана Грозного.

ISBN 978-5-44-743630-8

© Франц А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
I. Беспредел и Тирания	11
1. Предыстория афинской тирании	13
2. Аристократия, или лучшие люди в естественной среде обитания	15
3. Солон предупреждает...	16
4. Винтовка рождает власть. Особенно – демократическую	18
5. Реформы Солона. Маленькая Афинская диктатура	20
6. Дошел до и остановился перед...	22
7. Доктор прописал тиранию! И не нужно заниматься самолечением...	24
8. Лишь в тени тирании распускаются цветы демократии	26
9. От старших – к младшим тираниям. Кто вы, мистер Алкивиад?	28
10. Вы хотите тирании?	31
11. А кто не хочет грузить люминий, будет грузить чугуний. Правление тридцати в Афинах	34
12. Олигархия, как она есть, или праздник жизни на улице «Лучших людей»	36
13. «Железная пята» и ее природа	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Беспредел и тирания
Историко-политические очерки
о преступлении и наказании
Андрей Франц

© Андрей Франц, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Уважаемый Читатель! Лежащая перед Вами книга была закончена в сентябре 2013 года. Последние дни политического затишья. Еще Крым не вошел в состав Российской Федерации. Еще впереди затяжные бои в ДНР и ЛНР, санкции, контрсанкции, бомбардировки штабов, складов и узлов связи Исламского Государства (организации, запрещенной в Российской Федерации) ... Ничего этого еще не случилось.

Именно поэтому те очень редкие отсылки к современным политическим реалиям, которые Вы найдете в тексте, могут значительно расходиться с политическими ощущениями образца 2015 года. Не беда! Любой читатель легко сделает поправку на эти два года, прошедшие с момента завершения книги.

Главное в ней другое. Детальный и неторопливый анализ исторических тираний, условий их возникновения и, самое главное, выявление тех проблем, которые были руками этих тираний решены. Место и роль тиранических режимов в историческом процессе – вот о чем эта книга. И если мне удастся соскрести хотя бы отчасти тот слой грязи, которым заляпывались портреты тираний в течение последних четырех – пяти столетий, я буду считать свою цель достигнутой.

* * *

Эта книга возникла из недоумения по поводу одного любопытного социального феномена. Феномен этот не так давно прописался в Российской Федерации. Он относительно молод, но уже весьма влиятелен. Распространение имеет среди российских политических элит и примазавшихся к ним слоев творческой интеллигенции. Его имя – *предощущение тирании*. Где-то на рубеже 2012—2013 годов политический класс России вдруг начал тревожно принохиваться к окружающей действительности, опасливо выискивая в ней признаки *грядущей тирании*.

Одни из нас, условно относимые к «патриотическому» лагерю, предвкушают тиранию с нескрываемым торжеством. Можно сказать, потирая руки. Другие, столь же условно именуемые «либералами», ждут ее воцарения с тщательно скрываемым ужасом. Но вот это общее, вполне еще неясное, не опирающееся ни на какие строгие политические выкладки *ожидание* – да! Оно буквально разлито в воздухе.

Оно прорывается в десятках статей, сотнях блогов, публичных выступлениях, интервью...

Вот, сидят и беседуют милые, интеллигентные люди. Сидят, обсуждают вялотекущую политику, перемывают косточки администрации Президента, лидерам оппозиции, наконец, заходит речь о проекте «Лицо России», где, как все помнят, изначально в большой отрыв ушел Сталин.

Собчак: Вы считаете, что сейчас если мы абстрагируемся от проекта, а вернемся в сегодняшнюю жизнь, репрессии востребованы обществом?

Гордон: Да, но я вынужден с сожалением констатировать, что у нас Иосифа Виссарионовича на политическом горизонте нет.

Собчак: С сожалением?

Гордон: С сожалением.

Собчак: Вы бы хотели, чтобы он появился?

Гордон: Я бы хотел, чтобы он появился, потому что...

Собчак: Вы бы хотели, чтобы он пришел к власти?

Гордон: Потому что я не вижу выхода из того тупика, в который мы себя загнали.

Собчак: А вы понимаете, что вы будете в числе первых, кого сошлют подальше от Москвы, а потом строить БАМ?

Гордон: Судьба¹.

Ну, вот как понять это гордоновское: «Судьба»? Человек отдает отчет в том, что грядущая тирания отправит его на строительство БАМа, но признает это не просто неизбежным, а еще и необходимым – *судьба*... А иначе он не видит выхода из того тупика, в который мы себя загнали.

Что же это за тупик? И почему лишь с помощью тирании можно найти из него выход? Загадка! Впрочем, несколько дальше мы найдем на нее ответ. Но это – потом, в самой работе. Пока же продолжим *ощущать*. Ощущать вместе с нашими соотечественниками *грядущую тиранию*.

Вот, с аналогичными *предощущениями* выступает «самый свободолюбивый единокорос России» Валерий Федоров. «...мы стоим на пороге долгой и довольно жестокой диктатуры...»², – уверяет читателя самый свободолюбивый. Правда он, в отличие от Гордона, вовсе не намерен покорно смиряться с наступающей *тиранией*. По его мнению, должен появиться внутрисистемный лидер, который рискнет бросить вызов «опричнине».

Вот тщетно призывает российских элитариев к разуму, умеренному альтруизму и разумной солидарности Валерий Зорькин. Иначе *тирания*, – предостерегает заслуженный юрист. «Коль скоро разум, с его способностью приподняться над сиюминутностью и эгоизмом, не остановит войну всех против всех, то либо-либо. Либо эта война уничтожит государство и общество. Либо государство станет чрезмерно жестким»³.

Или вот, прямо-таки глас вопиющий: «Россия находится на пороге масштабных и необратимых потрясений, инициированных самой властью, которые затронут очень широкие слои населения. Жизнь будет быстро меняться, и далеко не в лучшую сторону. Масштаб случившегося с Россией элитами не осознан, брошенный историей вызов недооценен, глубинный смысл происходящего не понят. Пока российские элиты приспособляются к жизни при авторитаризме, Россия плавно, но неуклонно скатывается в тоталитаризм. Те, кто готовится жить при Пиночете, могут быть весьма разочарованы, неожиданно обнаружив себя живущими при Муссолини или Сталине»⁴.

Страшно? А то ж! И ведь, между прочим, в верную сторону *предощущает* товарищ, простите – господин.

Целую книгу изваял на эту же тему Игорь Валерьевич Аверкиев – исполнительный директор, эксперт и член правления Пермской гражданской палаты, член Пермского регионального правозащитного центра, 1960 г. р., образование высшее историческое, характер стойкий, юридический. Хотя, с характером могу и ошибаться. Во всяком случае, книга озаглавлена вполне себе в *истерическом* ключе: «В ожидании людоедов. Кто придет к власти в России после Путина?»⁵

Как оценивает текущий политический режим г-н Аверкиев? Вполне, между прочим, здраво. «Путинский режим – это то единственное, что сегодня удерживает „людоедов“ от „большого похода“ на российскую свободу: он их разбудил – он их и дозирует, его они и слушаются, по крайней мере, пока. До поры до времени путинисты и „людоеды“ у нас как „добрый“ и „злой“ жандармы». Людоедами эмоциональный и ранимый г-н Аверкиев именуется тех, кто на языке строгой политологии называются *сторонниками тирании*.

¹ «Владимир Владимирович перестал понимать, что делать дальше», – Александр Гордон о Путине, сотрудничестве с Сурковым и письме против Ходорковского. <http://goo.gl/uDhTXL>

² «Мы стоим на пороге диктатуры, которая будет сметена революцией». <http://goo.gl/NdCLVT>

³ Валерий Зорькин. Доверие и право. <http://goo.gl/kAP68e>

⁴ Владимир Пастухов. Тоталитаризм. <http://goo.gl/4Igp5k>

⁵ См.: Аверкиев И. В. В ожидании людоедов. Кто придет к власти в России после Путина? <http://goo.gl/KhQIyR>

«Если в ближайшее время, – предупреждает коллег по политическому классу г-н Аверкиев, – ничего кардинально не изменится в умонастроениях и публичной активности российского «среднего класса» и его политических чревовещателей, то свобода партстроительства, честные выборы и всеобщее избирательное право с неизбежностью приведут к власти в России таких «людоедов», при которых путинский режим нам покажется реальным «торжеством демократии и прав человека». И опять он прав. Приведут.

Похоже, тиранический режим в России действительно неизбежен. Работает, работает здесь некоторая историческая закономерность, природу коей мы подробнейшим образом обсудим в книге. Разберемся и с тем, как эту закономерность можно, нет, не отменить, но – обойти по большой дуге. Впрочем, об этом позже. А пока продолжим обзор умонастроений российского политического класса, сжавшегося как кролик в ожидании *грядущей тирании*.

Особого внимания заслуживает отдельно стоящая группа граждан, настроенных не столь стоически как г-н Гордон. Имя им – легион, так что не будем даже приводить конкретные примеры. Пытаясь *отвертеться* от грядущей тирании, они прибегают к практикам, по сути своей совершенно магическим. Честное слово, иначе их и не назовешь – типичная вербальная магия примитивных народов.

Магические манипуляции здесь выполняются в форме обличения – только не смейтесь, пожалуйста – «кровавого режима Путина». Суть *вербальной магии* здесь вполне очевидна. Повторяя на тысячи ладов мантру о «кровавом путинском режиме», наши доморожденные «маги» бессознательно, совершенно не понимая, что они делают на самом деле, пытаются «убедить» Провидение, что тирания уже *здесь*, она уже – вот она, *наступила*. Все! Все-все-все-все-все! Все плохое, что могло случиться с политическим классом России, *уже случилось!* И ничего БОЛЬШЕГО, *пожалуйста, не надо!* Ну, *не надо*, пожалуйста!!!

Потому, что БОЛЬШЕЕ – это и есть та самая грядущая тирания, которую гражданам почему-то очень не хочется. И которую они таким экзотическим способом «отгоняют». Дескать – вот он уже, «кровавый режим», в наличии. Куда уж больше?!

Кажется, А. Кох в одном из своих блогов не выдержал и высказался в том смысле, что мол, граждане! Ну чего же вы так-то уж! Кофе по утрам подают, газеты вовремя доставляют – чего вам еще-то нужно. Ведь, не исключено, что лет через двадцать мы все будем вспоминать эпоху Путина как золотое времечко. Сидя на лесоповале.

И вот опять лесоповал. Откуда? Бог весть!

Страшно...

Так что же это? Откуда этот страх? Ведь реальный сегодняшний расклад политических сил ни в коей мере не предвещает никаких ужасов. И Путин, и его окружение – вполне себе либеральные и абсолютно не кровавадные граждане. Потолок их политических амбиций – это чтобы, не дай Бог, *ничего не случилось*.

Политические игрища в «наших», в «ваших», в «народный фронт», в «спецназ президента» и так далее? Их опереточный характер не замечает лишь тот, кто крепко, двумя руками закрывает себе глаза, чтобы ничего не видеть.

«Возмущенный народ», «взбесившаяся чернь»? Ну, за двадцать-то прошедших лет уже как-то можно понять, что *народ* подает голос лишь при наличии раскрученных публичных лидеров, административного ресурса, политической оргструктуры, жестко контролируемого фрагмента СМИ, корпуса политических менеджеров и финансового обеспечения. То есть, при наличии за спиной того, что политологи называют *контрэлитой*. Которая заказывает, организует и оплачивает все это удовольствие в лице «возмущенного народа». Все остальное время он, народ, занят вопросами собственного выживания и к политике не имеет даже косвенного отношения.

Никакой *контрэлиты*, способной и желающей, с опорой на «народ», смастерить в России тиранический режим, не существует даже в проекте. Ее *вообще* нет. Никакой. А тот сег-

мент политического класса, который с о-о-чень большими натяжками можно назвать «контр-элитой», он как раз и украшает себя белыми лентами, выходит на Болотную, и боится, боится, боится. Ее – тирании.

Интересная штука! Политических предпосылок тирании в лице конкретных партий, программ, лидеров вроде бы нет, а *предошущение тирании* есть. Откуда же оно берется?

А берется оно из накопленного генетического опыта, веками, а то и тысячелетиями вбиваемого в подсознание политического класса. И этот опыт не просто вещает, а можно даже сказать – верещит, что если было сказано «А», то после этого рано или поздно, но обязательно наступит «Б». И еще этот опыт подсказывает, что «А» уже случилось. И, стало быть, «Б» – не за горами.

«Б» – это, как Вы понимаете, уважаемый читатель, та самая *грядущая тирания*. Но что же скрывается под литерой «А», с неизбежностью влекущей за собой все прелести тиранического режима?

Современная политическая наука не выработала пока точного понятия, строго описывающего скрывающееся под «А» содержимое. Поэтому нам с вами для его описания придется привлекать понятия из других разделов человеческого опыта. Наиболее подходящим в данном случае оказался концепт, выработанный в уголовной среде. А именно, понятие «беспредела». Именно оно и будет применяться для анализа сегодняшней ситуации.

Гипотеза, которую мы с Вами, уважаемый читатель, проверим в этой книге, проста, как апельсин, и прозрачна, как слеза младенца. И заключается она в следующем. Если в социальной системе был допущен серьезный *социальный беспредел*, то рано или поздно система ответит на него *тиранией*.

Станцию «Беспредел» мы уже проехали, следующая остановка – «Тирания». Именно ее и предошущает российский политический класс, прекрасно осведомленный, а то и активно поучаствовавший в российском *беспределе*. Именно в этом подсознательном опыте и коренятся истоки *предошущения тирании*, гнетущего российские элиты.

Вот такое у меня, как у автора этой книги, предположение.

Оно, разумеется, нуждается в проверке. А проверить его не просто, а очень просто. Взять известные исторические эпизоды, связанные с формированием тиранических режимов, и посмотреть – а не предшествовали ли им ситуации социального беспредела? Если предшествовали, тогда все понятно. И *предошущениям* российского политического класса следует верить. Правильно ощущают. Ну, а если окажется, что тирании возникают на пустом месте, буквально ни с того, ни с сего, тогда... Придется писать другую книгу.

Впрочем, не придется. Для тех, кому читать особо некогда, могу приоткрыть завесу и доложить полученный в ходе исследования результат. Таки да – предшествовали! Не верите, можете убедиться сами. Раскрываем книгу и начинаем читать.

Ах да, перед тем, как пускаться в путь, научная скрупулезность требует определиться в понятиях. Что есть *тирания*, и что есть *беспредел*? Но мы с Вами этого делать не будем. Про тиранию в любом политическом словаре прочитать можно – не проблема. А что такое *социальный беспредел* – это нам еще предстоит установить в ходе исследования. Ни в учебниках политологии, ни в монографиях по политической философии это понятие пока что не проанализировано. Так что, мы с Вами, уважаемый читатель, будем здесь первопроходцами.

Или первопроходимцами? Ну, в общем – вскрытие покажет.

Автор искренне благодарен *Антону Бакову*, без чьего волшебного пенделя он, автор, даже и не подумал бы слезть с печи и написать хоть пару строк на политические темы. И, конечно же, никакой книги не было бы без моей жены *Лары*, которая долгими зимними вечерами честно читала каждый новый фрагмент, искренне и в красках описывала его гениальность и непреходящую ценность для прогрессивного человечества, чем стимулировала автора

на написание очередного куска и отвращала от того, чтобы забраться обратно на печь, предварительно засунув туда все ранее написанное.

Теперь все.

Сентябрь 2013, Баден, Австрия

I. Беспредел и Тирания по-древнегречески. Случай Солона – Писистрата

Разумеется, уважаемый читатель, анализ тирании и ее происхождения начнем мы с Вами с древних греков. На то есть множество оснований. Во-первых, именно они впервые одарили политическую мысль классическими примерами тиранических режимов. Равно, как и классическими образцами их политико-философского анализ. Так что, без греков никуда. Да и не может считаться серьезным политико-философский трактат, если начинается не от греков. Любой критик Вам подтвердит, что без них – мелковато будет.

Но главное даже не это. Главное – неистовый дух познания, доставшийся нам от этих удивительных людей. Не восхвалять, не проклинать, но *понимать* – вот удел политического философа. Это пришло к нам оттуда, от греков. Спиноза со своим «*Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать*» лишь повторил то, что пришло к нам от них. Так вот, очень важно на самом старте нашего исследования зарядиться этой прекрасной тягой к *пониманию*. Удивительно, знаете ли, прочищает мозги. И настраивает на правильный лад.

Ведь мы с Вами не первые и не последние, кто занимается *мышлением* в периоды кризисов и катастроф. Но именно греки сумели поставить этот процесс на... Впрочем, простой пример скажет о них лучше чем самые развесистые мои славословия.

С таким же примерно, как у нас сегодня, настроением собрались когда-то в Храме Аполлона семь великих мудрецов древней Греции. VI век до нашей эры. Гора Парнас. Поросшие еще не вырубленным лесом горные вершины. Где-то далеко, на самом горизонте небо сливается с водами Коринфского залива. Белоснежная колоннада портика. Укрывшись в тени храма, негромко (а может быть и громко – кто знает?) беседуют семь величайших мужей Греции: Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисоне и Хилон.

О чем шла речь в стенах древнего прибежища Пифий, способных проричать будущее и слышать волю богов? Наверное, о том, что золотой век гомеровских богов и героев давно позади, и никакими, даже самыми величайшими, чудесами его не вернуть. Что повсеместное упразднение власти басилеев – неправосудных, готовых за взятку вынести любое судебное решение «царей-дароядцев»⁶ – ни к чему не привело.

Наоборот, с каждым днем становится только еще хуже. Ибо полисная знать не хочет и думать ни о чем, кроме собственного обогащения, так что крестьянину получить ссуду на закупку посевного зерна меньше, чем под 20% годовых просто негде. И вот, большинство крестьянских наделов заложено, а еще больше уже перешло за долги во владение «лучших людей». И многие тысячи ранее свободных граждан за долги обращены в рабство и проданы на чужбину. И если так пойдет, то скоро просто некому будет встать в ряды городского ополчения, чтобы в случае нападения отразить врага. А доведенный до отчаяния демос уже обнажает оружие внутри городских стен, и скоро брат пойдет на брата...

Трудно сказать точно, о чем именно спорили в дельфийских стенах величайшие мудрецы древней Эллады. Увы, стенограмма их бесед, скорее всего, не велась. Но, с другой стороны, о чем еще можно было говорить в самый разгар общегреческого аграрно-политического кризиса VI в. до н. э.?

Впрочем, для нас, сегодняшних, важно даже не содержание их диспута, а его результат, высеченный затем на стенах Храма Аполлона и дошедший до наших дней. Ведь результатом беседы семи мудрецов стало понимание того, с чего следует начинать преодоление постигших

⁶ ...И страдает Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших. И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось! Правду блюдите в решениях и думать забудьте о кривде. Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил (Гесиод. Труды и Дни).

их родину бедствий. Так что, когда опустилась пыль из-под сандалий спускающихся по горной дороге мудрецов, свои инструменты взяли в руки каменотесы. И высекли на стене Храма результат их диспута: «ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ».

Вот с этим мудрым напутствием и начнем мы с Вами наше плавание в волнах политической философии. Не восхвалять, не проклинать, но понимать!

1. Предыстория афинской тирании

Большинство политических сведений об этой эпохе мы черпаем из чуть ли не единственного дошедшего до нас исторического источника, «Афинской политики» Аристотеля и его же «Политики». Нет, есть еще, конечно же, и биография Солона у Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях». Но это, все же, больше биография и в значительно меньшей степени политическая аналитика. Так что, именно Аристотель – наш гид в сегодняшнем расследовании. И пусть труд Стагирита отстоит от описываемых им событий более, чем на два столетия, более ранних и столь же подробных описаний политического кризиса Афинской республики VI в. до н. э. до нас просто не дошло.

Что же пишет Аристотель о временах, предшествующих политическим реформам Солона и следующей за ними тирании Писистрата? «Вообще государственный строй был олигархический»⁷, – читаем мы во втором параграфе главы «Древнейший государственный строй». Для нас с вами, не понаслышке знающих все прелести олигархического государственного строя, не станет откровением описание повседневной политической напряженности в Афинах этого времени. «В течение долгого времени происходили раздоры между знатью и народом», – доносит ее до нас Аристотель.

Что же не поделили народ и знать? Не так уж и мало – жизнь и свободу большинства граждан Афин. «Главное было то, – пишет Аристотель, – что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих».

Здесь следует дать некоторые пояснения.

Дело в том, что земля в описываемое время еще не могла быть предметом купли-продажи. Она была собственностью рода. Земельные участки могли лишь передаваться по наследству в семье. Они и передавались, дробясь среди нескольких наследников и мельчая при этом. Очень быстро наступил момент, когда величина земельных участков уже не могла прокормить семью. В то же время, продать участок и заняться чем-то другим было нельзя. То есть, заняться-то было можно, а вот продать участок, чтобы вложить деньги в новое дело – нельзя.

Поэтому большинство афинян пытались изо всех сил выжить, кормясь со своих, с каждым поколением мельчающих, участков. Поскольку выжить было невозможно, брали в долг, прежде всего – посевной материал для будущего урожая. Единственным залогом под ссуду был сам участок. И к концу описываемого периода фактически все земельные участки в Аттике покрылись ипотечными камнями, свидетельствующими, что данный участок заложен по ссуде.

А дальше все просто. Поскольку отчуждать участок в свою пользу кредитор не мог – земля есть собственность рода – должник оставался на земле, но трудился уже как арендатор, отдавая, то ли одну шестую часть урожая, то ли пять шестых⁸ кредитору.

Дальше – еще проще. Поскольку остающимся в распоряжении арендатора урожаем прокормиться было просто невозможно, он брал новые ссуды, но уже под залог самого себя (самозаклад) и своей семьи. Подходил срок уплаты, и кредитор отводил должника вместе со все семьей на рабский рынок. В качестве товара, естественно. Как говорят сегодняшние правильные пацаны, нормальная *схема* получилась.

Вот об этом, обо всем, и пишет Аристотель в «Афинской политике»: «При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и детей. Да

⁷ Текст приведен по изданию: Аристотель. «Политика. Афинская политика». Серия: «Из классического наследия». М., Мысль, 1997, с. 271—343. Не отходя от компьютера, посмотреть можно здесь: <http://goo.gl/tJiSCY>

⁸ Об этом до сих пор спорят антиковеды.

и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона. Он первый сделался протатом⁹ народа. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем можно сказать, не имел своей доли»¹⁰.

⁹ Протат, то есть защитник, представитель интересов, народа. «Протатами народа» на протяжении большей части V в. до н. э. были выходцы из знатных родов, вроде Фемистокла или Перикла.

¹⁰ Аристотель, там же.

2. Аристократия, или лучшие люди в естественной среде обитания

Что же толкало родовую полисную аристократию на столь безудержное закабаление своих соплеменников? Что же они, прямо звери были все какие-то, что ли? Вообще-то, да, конечно же, звери. Ну, в смысле – *животные*. Увы, здесь сказала свое слово природа человеческой цивилизации как таковой. Ведь человеческое общество, переходя от неолитической общины к эпохе бронзы, умудрилось возродить утерянную было в новокаменном веке ключевую характеристику обезьяньего стада. Наше общество, точно так же, как и обезьянье – это цивилизация статуса.

Во главе – «альфа-самец», который имеет *все* и в первую очередь. Рядом с ним – «бета-самец» который имеет также *все*, но во вторую очередь, и который за эту привилегию спиной к спине с вожаком отстаивает их права на *все* от любых сторонних притязаний. Ну, и «омега-самцы», которые, если что-то и имеют, то по остаточному принципу. То, что останется от альфы и беты.

Так устроено общество шимпанзе, но так же устроено и цивилизованное человеческое стадо. Еще Гомер, описывая статус *героев* (то есть, альфа-самцов), говорил об особой *доблести*, которой они обладают, получая ее от прародителей-богов. Проявляется эта доблесть в двух вещах. Во-первых, на поле брани, где герой безудержно царит, даже не замечая «простых воинов» и сталкиваясь всерьез лишь с такими же, как и он сам, *героями*. Ну, и во-вторых, неизменным спутником *доблести* уже у Гомера было *богатство*.

Доблесть и богатство – вот признаки альфа-статуса античного грека (да и не только его). Однако, прошли века, и великих героев на поле брани заменил *строй*, который очень скоро превратится в знаменитую греческую *фалангу*. Никакому Ахиллесу не справиться с хорошо обученным строем копейщиков. Время индивидуальной доблести уходит в прошлое. Ее заменяет коллективная слаженность строя.

А как же демонстрация статуса? Увы, остается только богатство. «...сейчас, – пишет о позднегреческой родовой знати Уолтер Донлан, – когда воинская доблесть потеряла свое значение, демонстрация статуса аристократии свелась к демонстрации ее богатства. Отсюда берет начало многократно описанное в научной литературе явление „демонстративного потребления“ как особого стиля жизни с пирами, охотой и т. д. Это был способ социального самоутверждения аристократии»¹¹.

Да, а все это требует трех вещей: денег, денег и еще раз денег. Ничего не напоминает? Яхты, куршавели, лимузины, телки, гнущиеся под грузом бриллиантов... А в ответ на возмущение рабочих снижением зарплат – брезгливое, сквозь зубы: «Не желаете работать за эти деньги – привезу сюда китайцев, а вы можете уматывать куда хотите!»¹²

Так что, пока никакого отличия между ситуацией в Аттике VI в. до н. э. и Россией нулевых годов двадцать первого века мы не наблюдаем. И наверняка, если бы вдруг где-то поблизости обнаружился рабский рынок, то товарняки, набитые дорогими россиянами, были бы первыми на подъездных путях. Типа, ничего личного – бизнес.

¹¹ Donlan W. The Aristocratic Ideal in Ancient Greece. Attitudes of Superiority from Homer to the End of the Fifth Century B. C. Lawrence, 1980. P. 35.

¹² Игра без правил // Русский предприниматель, №11, ноябрь 2004. Цитата принадлежит Ходорковскому, из тех времен, когда он еще был на свободе.

3. Солон предупреждает...

Вот в такой ситуации и выходит на политическую сцену Солон – афинский политик, законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Тот самый, что участвовал в сходке величайших мужей Эллады, состоявшейся в храме Аполлона.

Естественно, Солону все происходившее вокруг него очень и очень не нравилось. Ведь, в отличие от своих собратьев по аристократическому классу, он был еще и философ. То есть, человек умный и способный смотреть значительно дальше собственного носа. А там, впереди, если оставить все так, как идет, родные Афины не ждало ничего хорошего. А только лишь аттический бунт, бессмысленный и беспощадный. (извините, Александр Сергеевич!)

Первое, что он пытается сделать, это воззвать к совести и здравому смыслу афинской аристократии. Ведь рубят же сук, на котором сидят, уроды! Воззвать Солону было легче, чем кому бы то ни было. Если кто не знал, так Солон был не только философ, но еще и поэт. Из пяти с лишним тысяч строк его поэтического наследия до нас дошло всего 283 строки.

И среди них – такие:

*Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
Жребий – снести много бед за своеволие свое.
Им непривычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
Мирной усладе пиров, их в тишине проводить, —
Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
И, не щадя ничего, будь это храмов казна
Или народа добро, предаются, как тати, хищенью, —
Правды священной закон в пренебрежение у них!¹³*

А еще – такие:

*Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
Рабство ж пробудит от дремы и брань, и раздор межусобный:
Юности радостный цвет будет войной унесен.
Ведомо иго врагов: град любезный оно сокрушает
Через крамолу, – она неправдолюбцам любя!
Беды такие народу грозят, а среди неимущих
В землю чужую тогда мало ль несчастных пойдет,
Проданных в злую неволю, в позорные ввергнутых узы,
Дабы познали они рабства тяжелого гнет?¹⁴*

Или даже такие:

*Сердце велит мне афинян наставить в одном убежденье —
Что беззаконье грозит городу тучею бед.¹⁵*

¹³ Солон. Элегия «Благозаконье». Полный текст можно посмотреть, например, здесь: <http://goo.gl/0GurfW>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Сильные, безусловно сильные и откровенные строки. Если по сегодняшним меркам, то чистая 282 Статья автору, а текст – в федеральный список экстремистских материалов.

Однако, в отличие от российских олигархов, древнеафинские олигархи были все же вынуждены прислушаться к неистовым призывам своего беспокойного собрата по классу. И дело здесь вот в чем. Над *лучшими людьми* нашего Отечества сегодня, в общем-то, особо не капает. К подавлению гражданского неповиновения органы МВД и внутренние войска вполне готовы. В случае массовых трудовых споров к услугам владельцев заводов-газет-пароходов армии гастарбайтеров. Ну, а на случай слишком уж отможенных наездов со стороны конкурентов из-за рубежа в арсеналах хранятся пусть старенькие, но все же вполне себе ядерные бомбы.

Ничего этого не было у современников Солона. Внутренних войск нет – в случае гражданских беспорядков мечом приходится отмахиваться самостоятельно. Гастарбайтеров тоже пока немного. Полноводный поток их в рабских ошейниках польется только еще лет через 100—150. Но самая большая проблема была с ядерной бомбой. Ибо ядерная бомба античного мира с необходимостью требовала демократии. Ведь это была *фаланга*...

4. Винтовка рождает власть. Особенно – демократическую

Итак, ядерной бомбой античной Греции была фаланга. «Гоплитская революция» VII в. до н. э. просто вынесла все остальные виды вооружения с поля брани. Грозные коробки тяжёлобронированных копейщиков в унифицированных доспехах, с продуманной тактикой и отточенной техникой движений и перестроений не оставляли ни единого шанса любому иному войску – независимо от качества оружия и количества его носителей.

*Носу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан – о султан, шлем – о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется
с врагами.¹⁶*

И оглушительный визг деревянных флейт, и звон литавр, и земля, вздрагивающая от синхронной поступи нескольких тысяч¹⁷ здоровых, хорошо накачанных мужиков в бронзовой упаковке... Короче, страшное дело!

Так вот, фаланга – это коллективный способ ведения войны. Здесь все равны. Аристократ, ведущий свою родословную от самого Зевса, здесь ничем не отличается от любого крестьянина, кожевника или кузнеца, у которых хватило денег справиться себе тяжёлый пехотный доспех. Более того, успех фаланги вообще зависит от того, насколько унифицированы каждое движение, каждый шаг, каждый вздох ее бойцов.

Но если все равны на поле брани, то у этих самых тысяч бойцов в мирное время возникают вопросы. А именно, почему мы не равны внутри городских стен? Вот как описывает эти социальные процессы в своей «Политике» Аристотель:

«И в Греции, после упразднения монархического строя полноправными гражданами были в первое время воины, а именно вначале – всадники; объясняется это тем, что тогда на войне силу и перевес давала конница, а тяжеловооружённая пехота за отсутствием в ней правильного устройства была бесполезна: опытности в деле устройства пехоты, равно как и выработанных правил тактики, у древних не было, почему всю силу они и полагали в коннице. С ростом государств и тяжеловооружённая пехота получила большее значение, а это повлекло за собой участие в государственном управлении большего числа граждан. Вот почему древние называли демократиями те виды государственного строя, которые мы теперь называем политиями»¹⁸.

Иначе говоря, появление фаланги как массового коллективного вида вооружённых сил начинает провоцировать в Греции новый виток¹⁹ военной демократии. Или, по Аристотелю, политии. И вот здесь возникает вопрос, наиболее болезненный для афинской олигархии. Мало

¹⁶ Тиртей. Лирика. Эллинические поэты. – М.: Ладомир, 1999. Посмотреть можно здесь: <http://goo.gl/nre9q4>

¹⁷ Несколько тысяч – это сколько? Затрудняюсь ответить, с арифметикой у меня не очень. Однако исторические описания говорят, что длина фаланги доходила до 1,3 километра по фронту. Оптимальная глубина построения считалась в восемь рядов, но бывало и больше. Вот, кто умеет считать, пусть и прикинет – сколько это народу.

¹⁸ Аристотель. Политика, IV, 10,10 (1297 b) //Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. <http://goo.gl/xVIТрб> Полития, по Аристотелю, это вид государственного устройства, где участие в государственных делах принимают лишь те, кто в состоянии обеспечить себя комплектом тяжёлого вооружения.

¹⁹ Новым этот виток военной демократии является потому, что первые военные демократии были присущи эпохе перехода от варварства к бронзе, эпохе миграций и завоеваний территорий, то есть эпохе, непосредственно предшествовавшей возникновению цивилизаций бронзового века. Впрочем, такие вот первичные военные демократии возникали в человеческой истории многократно – с каждой новой эпохой великих переселений народов. Начиная с многочисленных переселений древних ариев, и заканчивая эпохой великих переселений германцев и славян – уже в первом тысячелетии нашей эры. И везде политическим режимом эпохи переселения была *военная демократия*.

того, что коллеги по воинскому строю начинают требовать себе своей доли городской власти. Это бы еще как-то можно стерпеть. Гораздо хуже другое.

Участник фаланги – гоплит, тяжеловооруженный пехотинец. Тяжелое оружие стоит немалых денег. Следовательно, обладание «ядерной бомбой» античного мира требует наличия среди горожан нескольких тысяч достаточно зажиточных людей, способных обеспечить себя доспехом. А вот это уже начинает не получаться. Ибо кредитно-залоговая политика полисной знати привела к середине VI в. до н. э. к *массовому обнищанию* рядовых горожан. Становиться в строй фаланги становится просто некому! Слишком мало людей может себе это позволить. А это уже опасно для всех – в том числе и для знати. Ведь фаланги и Спарты, и Коринфа, и Мегар могут в любой момент показаться под стенами.

5. Реформы Солона. Маленькая Афинская диктатура

Вот в такой ситуации «лучшие люди» Афин и оказались просто вынужденными прислушаться к увещаниям Солона.

Нужно иметь в виду, что годам примерно к шестидесяти Солон становится во всех отношениях самым влиятельным и авторитетным политическим деятелем Афин. А главное, в условиях нарастающего конфликта между демосом и знатью он рассматривался всеми социальными слоями как подходящая, компромиссная фигура.

Аристократы видели в нем «своего» ввиду его в высшей степени знатного происхождения. Ведь происходил он из знатного рода Кодридов, который ранее был царской династией. Массы же рядового демоса помнили о протестах поэта-политика против чрезмерного угнетения крестьян. Торгово-ремесленная прослойка несомненно принимала во внимание то обстоятельство, что Солон сам занимался – и не без успеха – торговлей. То есть, хорошо понимал их проблемы и нужды. В общем, он больше, чем кто-либо из афинян, подходил для проведения реформ.

Фактически, Солон начального периода своей диктатуры – это такой древнегреческий Путин. Человек, которому доверяют и на которого надеются практически все враждующие элементы социальной системы. Верхи полагают, что «ворон ворону глаз не выклюют». Низы же искренне уверены, что вот сейчас-то и начнем всех, кого нужно, «мочить в сортире».

Впрочем, какой характер будут иметь его преобразования – об этом, вероятно, мало кто имел ясное понятие. Демос наверняка рассчитывал, что Солон возьмет в свои руки тираническую власть и будет действовать примерно так же, как тираны соседних с Афинами городов. То есть, будет преследовать полисную знать, изгонять аристократов и конфисковать их имущество. А главное – проведет всеобщий передел земли на равных основаниях. Аристократы, со своей стороны, полагали, что Солон проведет лишь необходимый минимум преобразований. То есть, им не придется делать почти никаких уступок народу и их власть останется практически неизменной.

Как бы то ни было, в 594 г. до н. э. Солон был избран архонтом-эпонимом²⁰. Само по себе это мало что значило: архонт, хотя бы даже и первый в коллегии, был лишь одним из магистратов аристократического полиса, и должность еще не давала ему полномочий на проведение чрезвычайных мер. Солон, однако, избрали не только архонтом, но также, по словам Плутарха, «примирителем и законодателем», а по выражению Аристотеля вообще «вверили ему государство».

И вот на этот факт прошу обратить особое внимание. Ибо здесь мы сталкиваемся с первым элементом алгоритма выведения любой (как мы это увидим в дальнейшем) республики из системного политико-экономического кризиса. А именно: выделение особого, пользующегося непререкаемым авторитетом, *лица*. И наделение его *чрезвычайными* полномочиями. Подобного рода фигуру мы встретим при изучении кризиса республиканского строя во все времена и в любых географиях.

Что сделал Солон, получив чрезвычайные полномочия? Первое и главное – он отменил долговую кабалу афинян. Вот что сообщает нам Аристотель: «Взяв дела в свои руки. Солон освободил народ и в текущий момент и на будущее время, воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой. Затем он издал законы и произвел отмену долгов, как частных, так и государ-

²⁰ АРХОНТ, властное официальное лицо во многих древнегреческих городах-государствах. Так, в Афинах было 9 архонтов, которых вначале избирало народное собрание, а с 5 в. до н. э. они определялись жребием. Главным архонтом был архонт-эпоним, заведовавший гражданскими и административными вопросами. Год в Афинах получал имя того лица, которое было тогда архонтом-эпонимом (греч. эпоним – «дающий свое имя»). (См.: Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. <http://goo.gl/POugKC>)

ственных, что называют сисахфией, потому что люди как бы стряхнули с себя бремя»²¹. Более того, все уже проданные в рабство афиняне были выкуплены из неволи за счет городской казны.

Так был вскрыт самый болезненный нарыв на теле республики. То, что республиканская знать *самостоятельно* не сделала бы ни при каких обстоятельствах! Даже если бы промедление грозило реальной гибелью. (А к этому все и шло). Ибо против социально-классового инстинкта не попрешь! Обезьяна не может взять и в одночасье превратиться в человека. Увы.

Далее Солон приступил к реформам политической системы. Фактически, это была попытка раздать всем сестрам по серьгам. То есть, разделить власть между всеми наличествующими в полисе социальными группами. Вот как характеризует реформаторскую деятельность Солона Аристотель. «Солон же некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы разных государственных устройств; ареопаг представляет олигархический элемент, замещение должностей посредством избрания – элемент аристократический, а народный суд – демократический»²².

Главное, что сделал Солон, это разделил все общество на четыре имущественных разряда и определил, какие должности в городском магистрате могут замещаться представителями каких разрядов. Критерием принадлежности к определённому разряду служил размер годового дохода, исчисляемый в сельскохозяйственных продуктах.

Пентакосиомедимны: имеют доход более 500 медимнов зерна или 500 метретов вина или оливкового масла, на свои средства снаряжают боевые корабли, могут избираться архонтами и казначеями.

Гиппеи: имеют доход свыше 300 медимнов зерна, могут содержать боевого коня, избираются на все остальные выборные должности городского магистрата.

Зевгиты: имеют доход свыше 200 медимнов зерна, служат гоплитами, избираются на все остальные выборные должности городского магистрата.

Феты: имеют доход менее 200 медимнов зерна, служат во вспомогательных войсках, не могут занимать должности городского магистрата, но могут участвовать в работе народного собрания и суда присяжных.

Очевидно, что политическая структура полиса у Солон является производной от принципов военной демократии. Доступ к городским должностям определяется той ролью, которой данная социальная группа играет на поле боя. Снаряжает ли боевые корабли, формирует подразделения кавалерии или тяжелой пехоты, служит во вспомогательных войсках.

Имущественный ценз существенен лишь постольку, поскольку определяет способность гражданина обеспечить себе снаряжение для боя. С незначительными изменениями предложенная Солонем политическая структура полисной власти прослужит Афинам до конца республиканского периода. А это означает, что в целом она признавалась справедливой представителями всех городских слоев.

Наконец, в области экономики Солон ввел очень важный закон. Он сделал возможным куплю-продажу земли, но при этом ограничил максимальный размер земельного надела, которым мог владеть гражданин полиса. Иначе говоря, после земельной реформы стала невозможной экономическая политика знати по концентрации земельного фонда полиса в руках немногих знатных родов. Фактически, это был сильнейший удар по земельным магнатам Афин.

²¹ Аристотель. Афинская полития (I, IV, 6) <http://goo.gl/rJiSCY>

²² Аристотель. Политика. (II, IX, 2).

6. Дошел до и остановился перед...

Ну, а что же не сделал Солон из того, что от него ожидали? Он не сделал главного. Не произвел перераспределение земли на общих основаниях. Данный лозунг был хорошо известен в античности, в разные времена он выносился на повестку дня на гребне социальной борьбы и был по сути ключевым требованием рядовых граждан полиса. При этом каждый раз под переделом земли подразумевалось возвращение к первичному равенству, т. е. к тем временам, когда земля была поделена поровну между общинниками.

Были ли такие времена? Делилась ли когда-то земля поровну? На оба вопроса можно ответить утвердительно. В легендарные времена «темных веков», когда греческие племена оседали на жительство в удобных долинах, раздел земли действительно производился по жребию на равные участки. Память об этом обычае сохранилась уже в самом названии получаемого таким образом участка земли – «клер» (κλήρος), что значит «жребий»²³.

Пытаясь в своих реформах пройти путем «середины», путем «примирения» враждующих городских партий, которых по большому счету было всего две – «знать» и «народ» – Солон угодил в ловушку, уготованную всем центристам. В поисках компромиссных решений он потерял поддержку как той, так и другой партии.

Совсем, как Владимир Путин образца 2012—13 годов. Либералы клюют его за то, что идет на поводу у требований всяческого *быдла*. Националисты же и остатки коммунистов крайне недовольны тем, что далеко *не все олигархи замочены в сортире*. А ведь поначалу так на это надеялись!

Аналогичная история случилась и в Афинах. Городская знать сочла, что в результате реформ потеряла слишком много – и это действительно было так. Ограничение в размере земельной собственности поставило крест на привычных ростовщических схемах экономического доминирования. Нужно было искать новые схемы или же терять имеющиеся позиции.

Но и демос, малоземельное крестьянство точно также не дождалось от Салона исполнения своего главного требования – увеличения за счет общего передела своих земельных наделов. Которые бы, наконец, оказались достаточными для прокорма семьи.

Всего за год своих реформаторских усилий Солон превратился из самого популярного политика Афин в человека, не имеющего поддержки ни в одной социальной группе. В этом смысле Путин, разумеется, на порядок круче Солона. Ему на это потребовалось более десяти лет. Да, так вот, возвращаясь к Солону. Жить ему в городе стало не просто неудобно, но и небезопасно. Нет, остатки бывшего имени все же сохранили опального политика от изгнания. Но вот стопроцентных гарантий сохранения жизни и здоровья уже не давали.

Так что, не дожидаясь неприятностей, Солон «отбывает в путешествие», где и проводит десять лет своей жизни. Впрочем, возвращение домой, спустя десятилетие, ничем не радует знаменитого афинянин. Надежды на то, что за десятилетие страсти поулягутся, не оправдались. В действительности, междоусобные смуты продолжались еще несколько десятилетий. Было даже несколько случаев, когда из-за напряженности в государстве не могли избрать эпонимного архонта.

То есть, несмотря на ликвидацию самых острых проявлений системного кризиса олигархической республики (долговая кабала и концентрация земли в руках немногих), несмотря на формирование эффективных и справедливых институтов власти, кризис продолжал разрастаться. Почему? Да потому, что не были сформированы условия для решения экономических

²³ Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н. э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. <http://goo.gl/C5YNiu>

проблем большинства народа. Малоземелье демоса и, как следствие, массовая нищета народа никуда не делись.

И потребовалась настоящая тирания, от которой столь упорно отказывался Солон, чтобы решить еще и эту, главную задачу. Лишь тирания Писистрата действительно вывела полис из затянувшегося на многие десятилетия системного кризиса.

7. Доктор прописал тиранию! И не нужно заниматься самолечением...

Итак, в 561 г. до н. э. в Афинах устанавливается, наконец, долгожданная тирания²⁴, которую демос столь долго и отчаянно требовал от Солона. Единоличную власть захватывает его родственник Писистрат – знатный, амбициозный аристократ, уже прославившийся на полях сражений. Свою политическую карьеру он начинал в рядах сторонников солоновских преобразований. Стареющий Солон всячески пытался предотвратить такое развитие событий, протестовал, призывал к сопротивлению, но все было тщетно. Слишком уж подавляющим было большинство народа, требующее установления в Афинах тирании.

Что сделал в Афинах Писистрат, придя к власти? Ничего оригинального. Абсолютно все то же самое, что осуществляли в это время тираны в других греческих полисах. Кипсел и Перикандр в Коринфе. Феаген в Мегарах. Фрасибул в Милете. Гелон в Сиракузах. Орфагор в Сикионе. Поликрат в Самосе. Лигдамид в Наксосе. И так далее. Фактически, все греческие тираны действовали одинаково, как под копирку.

Изгоняли наиболее обогатившиеся за счет земельной ипотеки аристократические семьи, а их земельные владения делили между малоземельными крестьянами. Организовывали масштабные общественные работы, отстраивали свои города, прокладывали водопроводы и дороги – давая заработок городской бедноте. Именно по завершению периода старших тираний греческие полисы приобретают тот вид, что восхищает нас на картинках в учебниках древней истории.

Да, годы спустя, во времена «классической демократии» Фемистокл создал великолепный Пирей – афинский торговый и военный порт. Но сами-то классические Афины – дело рук тирана Писистрата! Именно при Писистрате Афины становятся тем, чем они были последующие века – крупнейшим торговым и ремесленным центром. Малоземельное крестьянство при его правлении активно начинает осваивать городские специальности, товарное производство. Город расширяется ремесленными кварталами²⁵.

Усилиями тиранов колонизация территорий Средиземноморья превращается из частной инициативы греческих *родов* – в важнейший элемент государственной политики *полиса*. Избыток населения нужно было куда-то девать – и колонизация выходит на государственный уровень. Наконец, тираны начинают самым активным образом возвышать людей искусства – художников, архитекторов, скульпторов, музыкантов. Именно в этот период закладывается, например, общегреческая традиция бесплатного посещения театров.

Вот, всем этим и занялся Писистрат. Прежде всего, достигнув власти, он приступил к массовому изгнанию противников. По словам Геродота, «одни пали в сражении, другие бежали из отечества вместе с Алкмеонидами...» Все это были владельцы крупных земельных состояний, составлявших значительную часть территории Аттики. По афинским законам, земли изгнанных конфисковывались, а затем разделялись между беднейшими крестьянами – с запрещением продавать, закладывать и сдавать в аренду.

Но самое главное, Писистрат организует за счет государственной казны дешевый сельскохозяйственный кредит для крестьян Аттики. То есть, ликвидирует сам корень бед, приведший к аграрному кризису VI в до н. э. Лишь с этого момента можно с уверенностью гово-

²⁴ Напомню, что греки не вкладывали в слово «тирания» никакого политически или морально негативного смысла. Фактически, это был технический политический термин, означающий правление единичного лица, узурпировавшего республиканскую власть при поддержке большинства граждан республики. Ярко выраженный негативный оттенок данное понятие приобретает лишь во времена Просвещения, на фоне крайне жестоких методов тиранического правления в итальянских коммунах – *сеньориях*.

²⁵ См.: Спорные вопросы антиковедения. <http://www.nb-info.ru/ancien2.htm>

речь о крушении ростовщических схем обогащения родовой знати, приводивших к массовому обнищанию рядовых общинников.

Вот как об этом пишет Кристиан Майер, специалист по финансовым и налогово-бюджетным отношениям древних обществ. «Когда представители знати в различных областях страны закладывали основы тирании, они ввели регулярно взимаемые налоги на доходы, достигавшие одной десятой или одной двадцатой части дохода. Это позволяло тираниям тратить деньги на содержание наемников и, при необходимости, на возведение укреплений, на строительство храмов, городских стен, водопроводов, колодезных сооружений, колоннад, прокладку дорог, устройство празднеств и, наконец, осуществлять определенные инвестиции. Многие из того шло на пользу городам и, вероятно, являлось важным вкладом тирании в укрепление и развитие своего хозяйства и городов»²⁶. Вот из этих-то бюджетных средств и был организован дешевый сельскохозяйственный кредит, положивший конец ростовщическим схемам полисной знати.

²⁶ Кристиан Майер. Как афиняне финансировали свои общественные структуры // Все начиналось с десятины. М., Прогресс, 1992. С. 56.

8. Лишь в тени тирании распускаются цветы демократии

Но вот на что следует обратить особое внимание. Ни Писистрат, ни его потомки ни на йоту не изменили те схемы функционирования демократических учреждений полиса, что были сформированы Солоном. Афинское народовластие функционировало в полном соответствии с духом и буквой законов Солон! Более того, под «пристальным вниманием» афинского тирана олигархические кланы имели намного меньше возможностей влиять силой и подкупом на работу городского магистрата, нежели это станет потом, во времена Аристофана. Когда тирания уступит свое место «чистой демократии».

Ведь как осуществлялся «демократический процесс» в Афинах позже, во времена «чистой демократии», когда потомки Писистрата утратили власть, и она целиком перешла к народному собранию? Это нам с Вами, уважаемый читатель, замечательно показывает Аристофан во «Всадниках».

Особенно прелестной получилась у него сцена спора демагога Клеона (Кожевника) и богатого торговца Колбасника за благосклонность Народа, изображенного афинским сатириком в виде глубоко впавшего в маразма старца. Доказывая свою полезность Народу, Клеон апеллирует к многочисленным заговорам против Народа, которые он, Клеон, разоблачил. Колбасник же подкладывает сначала мягкую подушку под народное седалище, затем надевает на старческие ноги Народа теплые башмаки, а уж когда на плечи Народа ложится подаренный Колбасником плащ, то умиленный Народ выдает восторженный комментарий:

*– Такой премудрости, клянусь, и Фемистокл не ведал,
Хоть и неплох его Пирей²⁷. По-моему, так, право,
Вот эта выдумка с плащом Пирею не уступит!*

Во «Всадниках» Подкуп избирателей – в лице Колбасника – с сухим счетом побеждает Демагогию, представленную Клеоном. Но в целом, Демагогия и Подкуп – неотъемлемые характеристики любой так называемой «демократической республики», всегда и с неизбежностью превращающие ее в инструмент власти «лучших людей», будь то родовая аристократия, или торгово-финансовая олигархия.

Демократических республик не бывает, вот что следует нам запомнить раз и навсегда! Какие бы демократические механизмы власти ни изобретались политическими реформаторами, какие бы народолюбивые словеса ни развевались на ее знаменах, любая республика по своей сути всегда – аристократическая (олигархическая) республика. Вся разница между ними лишь в величине фигового листка, прикрывающего аристократическое (олигархическое) естество республиканской формы правления. История античных полисов, средневековых европейских коммун, русских Новгорода и Пскова дают на эту тему миллион самых разнообразных иллюстраций.

Так что, возможные претензии, например, господина Суркова на авторские права по поводу «управляемой демократии» не имеют под собой ни малейшего основания. В рамках республиканской формы правления, она всегда и везде была и, разумеется, будет управляемой. Управляемой в интересах олигархического «высшего класса». Единственное, что можно поставить в зачет современным «демократам», это новые технологии подтасовки результатов выборов. Здесь – да, нужно отдать должное. Современные технологии «голосования» и «под-

²⁷ Среди преобразований, предпринятых Фемистоклом накануне вторжения персидского царя Ксеркса в 480 году до н. э., важнейшее значение имели укрепление гавани Пирей и наращивание боевого потенциала афинского военного флота с 70 до 200 триер.

счета голосов» дают демократам нашего времени совершенно новые возможности по сравнению с древними Афинами или средневековым Новгородом. Ну, так ведь технический прогресс и не стоит на месте.

Так вот, фактически, старшие греческие тирании были своего рода «демократиями под опекой». Когда все демократические учреждения полиса функционировали в соответствии со своим назначением, а тиран «приглядывал», чтобы аристократия, обладающая финансовым и организационным превосходством над демосом, не могла слишком уж сильно «нагнуть» демократию в свою пользу.

Как пишет известный античник, профессор Суриков, «и отдельные полисы, и Греция в целом скорее выигрывали, чем проигрывали от деятельности тиранов»²⁸. Кстати, и собственно античная интеллектуальная традиция никогда и не выходила за рамки не более, чем «легкого неодобрения» старших тираний. По принципу, да, демократия конечно лучше, но мы же все всё понимаем...

Тираны прибегали к насилию? Да, нехорошо. Но прибегали не более, чем это было до них, когда противоречия и взаимная ненависть «народа» и «знати» приводили к политическим убийствам и массовым вооруженным столкновениям на улицах городов.

Тираны изгоняли из городов знатные семейства? Тоже нехорошо. Но ведь точно также изгоняли и их самих. Сам Писистрат в процессе установления своей власти был неоднократно изгнан усилиями крупнейших аристократических родов Афин. Оно ведь – на войне, как на войне...

Тираны привлекали войска из других городов для установления своей власти? Ай, как неприлично! Но мы же взрослые люди и знаем, что делали они это в значительно меньшей степени, чем их противники из аристократического лагеря. Ибо в большей степени опирались на вооруженную помощь собственного демоса, уже тогда составлявшего костяк армии.

Вот в таком, примерно, духе. Исторические ноты в обличии «зверств тирании», превращение ее в «абсолютное зло» появляется в Европе, спустя примерно 2000 лет после падения старших греческих тираний. Демонизация тиранов имела свои особые причины и своих весьма заинтересованных авторов. В дальнейшем, если дойдут руки, и если к тому времени наши исторические экскурсы не наскучат уважаемому читателю, мы остановимся на этом более подробно.

Но важно в действительности не это. Важно другое. Оказывается, демократическая форма правления, принятая греческими городами из рук старших тираний²⁹, продержалась очень недолго. И сравнительно быстро перешла в руки младших тираний – как существенно более устойчивых форм правления. Это – на заметку тем, кто полагает, будто «демократизация общества» – тот самый путь, что предотвращает появление тиранических режимов. Во всяком случае, родина демократии, Древняя Греция показывает нам прямо противоположные сюжеты. Чем «демократичнее» демократия, тем быстрее и основательнее сменяет ее новая тирания. Посмотрим, как это было.

²⁸ Суриков И. Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. МОСКВА, Русский Фонд Содействия образованию и Науке 2009. С. 83.

²⁹ Античники различают «старшие» или раннегреческие и «младшие» – позднегреческие тирании. Первые возникают в VI – VII веках до н. э. Вторые же – в V столетии до н. э., после сравнительно недолгого господства чисто демократических форм правления. Младшие тирании существуют значительно дольше – до II века до н. э., когда греческие полисы попадают сначала под влияние Македонской монархии, а затем – под власть Рима.

9. От старших – к младшим тираниям. Кто вы, мистер Алкивиад?

Всем известно, что полисы древней Эллады явили миру первые классические образцы демократического правления. Древняя Греция – родина демократии. Но очень мало, кто задавал себе вопрос, а как долго просуществовали древнегреческие демократические режимы? Вот как долго продержалась «чистая демократия» в тех же Афинах?

А это легко подсчитать. Ее начало датируется свержением тиранической династии писистратидов. Это 510 г. до н. э. А когда написаны «Всадники» Аристофана, где «демократический народ» изображен маразматическим старцем, которым крутят как хотят олигархические группировки? Точная датировка «Всадников» отсутствует, но если учесть, что первая комедия афинского комедиографа вышла в 427 г. до н. э., то очевидно, что от «начала демократии» до «Всадников» прошло около 100 лет. А ведь в комедии Аристофана демагогия, подкуп и откровенное манипулирование народом в интересах олигархических групп – это уже повседневная, набившая оскомину и всем давно известная рутинная.

Так, когда же существовала в таком случае «настоящая демократия»? Похоже, не так уж и долго – в период Греко-Персидских войн. 499 – 449 гг. до н. э. с перерывами. Так что, если даже считать от свержения писистратидов, то всей «настоящей демократии» получается лет 60—70. И все! А шуму-то, уже 25 веков не стихает: демократия... демократия... демократия...

Одним из провозвестников грядущих, «младших»³⁰ тираний многие античные авторы считают афинянина Алкивиада³¹ – воспитанника Перикла, оратора, военачальника, государственного деятеля. Фактически, это был человек, откровенно стремившийся к установлению тиранического правления в Афинах, лично полностью готовый к этому, и не переступивший заветной черты лишь потому, что в Афинах что-то «чуть-чуть не созрело».

В оценке этой непростой исторической фигуры соперничают два, на первый взгляд диаметрально противоположных подхода. Первый из них представлен профессором Я. С. Лурье, который полагал, что Алкивиад лишь по видимости был беспринципным авантюристом. На самом же деле, в его действиях обнаруживается последовательное «стремление опереться на торгово-промышленные слои, чьи интересы выходили за рамки полиса». В связи с этим политическая деятельность Алкивиада была подчинена идее создания обширной территориальной монархии в рамках Средиземноморья, а стремление к тирании, о котором говорят древние авторы, было лишь внешним выражением этого тяготения к большой централизованной монархии, к эллинистическому царству³².

Вторая позиция, пожалуй, ярче всего выражена в работах профессора Э. Д. Фролова. По его мнению, Алкивиад как раз и есть просто-напросто беспринципный политический авантюрист. Эдакий кондотьер от политики, которому было все равно, на что опираться, лишь бы достичь своей цели – единоличной власти над полисом. «В сущности, для него в политике всегда была лишь одна цель – личное первенство, к достижению которого он стремился, во что бы то ни стало, любыми средствами, дозволенными или недозволенными, отвечавшими тогдашним представлениям о морали или нет»³³.

³⁰ Позднегреческие тирании, возникающие в период V – II вв. до н. э.

³¹ Алкивиад (450 до н. э. – 404 до н. э.) – древнегреческий афинский государственный деятель, оратор и полководец времён Пелопоннесской войны.

³² См.: Лурье С. Я. Две истории пятого века // Плутарх. Избранные биографии. М.; Л., 1941.

³³ Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. С. 80.

Но почему-то никто не хочет видеть наиболее очевидную вещь. Да, Алкивиад был действительно беспринципным политическим авантюристом³⁴. Да, в своих политических притязаниях он опирался на поддержку отдельных представителей торгово-промышленного класса. Но сама-то возможность установления тиранического правления открывалась для него лишь потому, что большинство народа, «демоса», до последней степени *достало* правление афинской олигархии! Их алчность, разоряющая «бизнесы» простого народа. Их политический цинизм, как угодно обманом и подкупом вертящий народным собранием. Их организационная и военно-политическая импотенция, многие годы не позволяющая закончить изнурительную пелопоннесскую войну. И так далее.

Именно афинский народ хотел тирании, избавляющей его от прогнившей насквозь власти афинской олигархии – вот главная основа всех политических планов авантюриста Алкивиада! Об это совершенно недвусмысленно свидетельствует Плутарх в биографии Алкивиада. «...у простого люда и бедняков снискал поистине, невиданную любовь: ни о чем другом они более не мечтали, кроме того, чтобы Алкивиад сделался над ними тираном, иные не таясь, об этом говорили, советовали ему презреть всяческую зависть, стать выше нее и, отбросив законы и постановления отделившись от болтунов – губителей государства... [Текст в оригинале испорчен] действовал и правил, не страшась клеветников»³⁵.

Вот ключ к пониманию ситуации. Тираническое правление для огромного большинства греческих полисов конца V – начала IV вв. до н. э. было спасением от «губителей государства», стоявших во главе политической системы. От олигархических кланов, ставших фактическими хозяевами якобы «демократических» республик.

И то, что Алкивиад все же не сделал последнего шага в своем политическом развитии и не захватил власть в Афинах, объясняется всего лишь его личной оценкой ситуации. А именно: олигархи еще недостаточно ослабили себя в непрерывной межклановой войне, а положение демоса еще не настолько отчаянное, чтобы обеспечить 100%-ю гарантию успеха при захвате и удержании тиранической власти в городе.

Кстати, это отлично понимает тот же профессор Фролов, который, правда, при этом почему-то не делает из своего понимания соответствующих выводов. Вот, что он пишет: «Алкивиаду не суждено было стать родоначальником новой тирании в Афинах. Причиной тому была не слабость его характера... причиной был случай, несовпадение личной готовности Алкивиада выступить в качестве авторитетного руководителя государства с характером политической обстановки в Афинах, в тот момент оказавшейся недостаточно шаткой, недостаточно „больной“ для установления тирании»³⁶.

Недостаточно «больная» политическая обстановка – превосходная формулировка! Иначе говоря, болезнь олигархической республики еще не зашла слишком далеко, чтобы можно было с полной уверенностью в успехе сметать прогнившую политическую конструкцию и брать власть в свои руки. Еще оставался какой-то процент населения, не до конца утративший демократические иллюзии. Еще была вероятность, что кто-то встанет на защиту давно не существующих в реальности, но столь милых сердцу демократических институтов....

³⁴ Плутарх приводит совершенно убийственную характеристику Алкивиада, данную Фринихом, одним из афинских военачальников. Осенью 412 г. он предупреждал своих товарищей, подготовлявших олигархический переворот, против сотрудничества с Алкивиадом. И вот, как описывает этот эпизод Плутарх. «...лишь один из стратегов, Фриних из дема Дирады, выступил против него, подозревая (и не ошибаясь в своих подозрениях!), что Алкивиад так же равнодушен к олигархии, как и к демократии и просто ищет путей к возвращению (в Афины – А. Ф.), а потому клеветой на народ старается выиграть во мнении самых могущественных граждан». Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах»: Наука; Москва; 1994. С. 214.

³⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах»: Наука; Москва; 1994. С. 219—220.

³⁶ Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. С. 102.

Однако, еще чуть-чуть времени, и... Алкивиаду не дали этого «чуть-чуть». Усилиями правящей верхушки он был удален из города, так и не успев сделать последнего шага к установлению тирании.

10. Вы хотите тирании? У нас есть их для вас!

А вот другим политическим авантюристам повезло больше. Дионисию в Сиракузах. Ликофрону и Ясону в Фессалии. Механиду и Набису в Спарте. Фрикодему в Эанфии. Неогену в Орее. Харигену в Гестии. Фемисону в Эретрее. Калию и Тавросфену в Халкиде. Херону в Пелене. Аристрату и Эпихару в Сикионе. Миасею в Аргосе. Неону и Фрасилоху в Мессене...

Все они были точно такими же политическими авантюристами, как и Алкивиад. По преимуществу – предводителями наемных отрядов. Все они были вполне беспринципны и взламывали режимы олигархической власти, при полной поддержке народа, не из идеологических соображений, а потому, что это был единственно возможный вариант получения власти. Власть была у олигархов, и более ее взять было просто не откуда.

Опора на народ была единственным вариантом установления тиранической власти. Но и тирания была для народа единственным вариантом выживания в условиях насквозь прогнивших олигархических режимов «губителей государства». Фактически, младшие тирании, как и старшие, были по существу «народными тираниями», обеспечившими режим выживания демоса за счет насильственной экспроприации власти у олигархических кланов в пользу тирана. Единственное различие между ними был в том, что старшие тирании тщательно возвращали внутри себя демократические институты, с тем, чтобы, будучи через какое-то время свергнутыми, освободить их от своей опеки, отпустить в свободное плавание. Тогда как младшие тирании не питали уже никаких иллюзий относительно потенциала демократических форм правления. И имели характер, почти что вполне монархический.

Афины, к своему глубочайшему несчастью, не имели своей младшей тирании. И чуть позже я объясню, почему вынужден был употребить оборот «глубочайшее несчастье». Да, так вот, проследивая политическое развитие собственно Афин, предоставивших нам свой политический строй для исследования *случая Солон-Писистрата*, мы не имеем возможности рассмотреть, как действовали младшие тирании на территории Греции.

Поэтому отвлечемся на некоторое время от политической истории этого великого города и посмотрим, а что же представляли собой младшие тирании в других греческих полисах? При этом не будем брать особо выдающиеся случаи, вроде Сиракуз, а остановимся на каком-нибудь совершенно рядовом греческом полисе и на установлении в нем тиранического режима. Ибо с незначительными отклонениями в ту или другую сторону, так же было и везде.

Вот, например, Сикион, греческий полис на северо-востоке Пелопоннеса, в глубине Коринфского залива, между реками Асоп и Гелиссон. Город, не представляющий собой ничего особенно выдающегося. Разве что, если верить Плинию Старшему, именно здесь около 580—577 гг. до н. э. учениками легендарного Дедала была основана художественная школа. Греки также утверждали, что в Сикионе произошло открытие живописи, но это я бы отнес к области территориального пиара. В общем, ничего особенного. Готов поспорить, что подавляющее большинство читателей впервые встретили его название на страницах этой книги и очень быстро о нем забудут.

Как и в большинстве других случаев, тирания устанавливается здесь в ходе одной из бесчисленных войн, сотрясающих Грецию V – II вв до н. э. То есть, устанавливается с опорой на внешнюю военную силу. В данном случае летом 369 г. до н. э., в ходе Беотийской войны³⁷ беотийцы прорывают спартано-афинский заслон на Коринфском перешейке, прони-

³⁷ Беотийская война (378—362 года до н. э.) – военный конфликт в Древней Греции между Беотийским союзом во главе с Фивами и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой. В войне также участвовали другие греческие государства, которые были то на стороне Фив, то на стороне Спарты. Причиной войны стало недовольство спартанской гегемонией.

кают в Пелопоннес, соединяются с аргивянами, аркадянами и элейцами и выдвигаются в сторону Сикиона. На состоявшемся народном собрании города естественным образом встает вопрос о необходимости разрыва со Спартой и присоединения к Беотийскому союзу.

Между тем, власть в городе принадлежит, олигархическим кланам, тесно связанным со спартанским покровительством. Естественно, никто из простых горожан не горит желанием грудью вставать на защиту родной олигархии. Однако, и открыто выступить за сдачу города и переход в противоположный лагерь непросто. Ведь в руках у городского магистрата довольно крупный контингент наемников, которых не интересует политика, а только лишь регулярная выплата жалованья. С ним же пока все в порядке.

Неизвестно, как долго демократическая оппозиция в Сикионе собиралась бы с силами для решающего выступления, если бы она не обрела вдруг, совершенно неожиданно для себя, энергичного вождя. В роли такого выступил Эвфрон, знатный гражданин, который ранее принадлежал к партии олигархов и совсем еще недавно в числе других крайних лаконофилов голосовал против отпадения от Спарты. Теперь же, в ожидании подхода войск Беотийского союза, он решает, что долее хранить верность Спарте бессмысленно. Резко переменяв фронт, он обращается к аргивянам и аркадянам с предложением устроить в Сикионе демократический переворот.

Не правда ли, весьма узнаваемый человеческий тип? Можно сказать, «сикионский Алкивиад». Беспринципен, энергичен, предприимчив, готов на все, чтобы получить власть. И, что характерно, в отличие от Афин V в. до н. э., политическая обстановка в Сикионе IV в. до н. э. была уже «достаточно больной» для того, чтобы тирании желало подавляющее число горожан. И так было фактически везде. Везде была «достаточно больная» обстановка. И везде находился «свой Алкивиад».

Союзники с удовольствием откликнулись на предложение Эвфрона и предоставили в его распоряжение своих воинов. Как только те явились в Сикион, Эвфрон созвал народное собрание. Он устроил его прямо на городской площади и пригласил на него именно народ, demos, подчеркивая обоими этими жестами намерение преобразовать государственный строй на началах полного равноправия. Собрание согласилось с Эвфроном, и было избрано пять новых стратегов, в том числе и сам Эвфрон. Скорее всего, тут же было принято постановление о репрессиях против олигархов-лаконофилов, на основании которого Эвфрон позднее изгнал целый ряд знатных и богатых граждан.

По свидетельству недоброжелателей, распоряжаясь по собственному усмотрению государственной казной, храмовыми сокровищами и имуществом тех, кто изгонялся по обвинению в лаконофильстве, он осыпал подарками и расположил к себе многих старых наемников и нанял еще новых, так что в короткий срок создал послушное своей воле войско в 2 тыс. человек. Репрессиями, которые он проводил, опираясь на решение народного собрания, а еще больше на силу своих наемников, он раздавил сикионскую олигархию.

По свидетельству Ксенофонта, Эвфрон во всяком случае заботился о том, чтобы иметь среди граждан преданных себе людей. Убийцы Эвфрона на судебном процессе обвиняли его в том, что он, обрушиваясь с гонениями на лучших людей, в то же время освобождал на волю и наделял гражданскими правами рабов. Но так или примерно так поступали все тираны позднегреческой эпохи. Репрессии и экспроприации олигархии – с одной стороны, экономическая поддержка демоса, рабов и, особенно, наемной армии – с другой.

Не удивительно, что когда в результате олигархического заговора Эвфрона все же убивают на чужбине, народ удостоивает его просто необычайных почестей. Одним из первых актов сформированного демократического правительства был перевоз тела Эвфрона на родину. Покойный тиран удостоился героических почестей. Он был погребен на городской площади, вопреки древнему обычаю, запрещавшему хоронить мертвецов в пределах городских стен. И впредь его стали почитать как нового основателя города.

Это ж как старый олигархат достал людей!

Так, через тиранию, греческие полисы выходили из кризиса олигархического правления. А многие, по примеру Сиракуз, так в ней и оставались, чтобы с течением времени более или менее плавно войти в македонскую или уже в римскую державу.

11. А кто не хочет грузить люминий, будет грузить чугуний. Правление тридцати в Афинах

И вот теперь, наконец, – о судьбе тех, кто «счастливо избежал» тиранической власти. И мы вновь возвращаемся в Афины.

У Афин не случилось своего тирана. Алкивиад пришел слишком рано, а потом стало уже слишком поздно. Политическая обстановка достаточно быстро перешла из «недостаточно больной» в «слишком больную» и на город обрушился ужас. В исторических хрониках он назывался «Правление Тридцати».

Как это часто бывает, ужасу предшествовало крупное поражение в войне. Нам ли не помнить ужас 1905—07 годов после русско-японской или ужас 1917 после катастрофического выхода из Первой Мировой! В Афинах конца V в. до н. э. роль русско-японской войны сыграло поражение в Пелопоннесской войне. Территория Аттики была фактически оккупирована войсками спартанцев и их союзников, а Лисандр – главнокомандующий спартанского флота – стал, выражаясь современным языком, главой оккупационной администрации. Именно он и продиктовал афинянам условия послевоенного политического устройства.

Вот как описывает сложившуюся ситуацию Аристотель в «Афинской политии». «... Лисандр взял в свои руки всю власть над государством и установил правление Тридцати при следующих обстоятельствах. (3) Мир был заключен у афинян на том условии, чтобы они управлялись по заветам отцов. И вот демократы старались сохранить демократию, а из знатных одна часть – люди, принадлежавшие к гетериям, и некоторые из изгнанников, вернувшиеся на родину после заключения мира, – желала олигархии. ...Когда же Лисандр принял сторону приверженцев олигархии, народ в страхе был вынужден голосовать за олигархию»³⁸.

Итак, тридцать представителей наиболее влиятельных афинских семейств, получили монополию на власть, оградившись от народа, так сказать, штыками оккупационных войск. Каков был их дальнейший образ действий? Об этом снова читаем мы у Аристотеля. «Взяв в свои руки управление государством, они не стали считаться ни с какими постановлениями, касающимися государственного устройства. Они назначили пятьсот членов Совета и прочих должностных лиц из предварительно намеченной тысячи кандидатов и, избрав, сверх того, в помощники себе десятерых правителей Пирея, одиннадцать стражей тюрьмы и триста биченосцев в качестве служителей, распорядились государством по своему усмотрению»³⁹.

Ну да, начали распорядиться государством по своему усмотрению. Это-то не удивительно – на то и получили власть из рук оккупантов, чтобы распорядиться властью по своему усмотрению. Самое интересное заключается в другом. Куда устремилось «усмотрение» тридцати «лучших людей» Афинской республики? Вообще-то трактат Аристотеля не лучший источник информации о тех временах. Слишком сух и информативен. Ведь это, по сути, учебник политологии для молодого Александра. Там нет места эмоциям.

Намного эмоциональнее описывает правление Тридцати Ксенофонт в своей «Греческой истории». Судите сами. Вот, например, описание того, как правящий олигархат просит Лисандра прислать в Афины спартанский гарнизон. «Лисандр исполнил их просьбу и исходатайствовал для Афин гарнизон и гармоста Каллибия. Получив гарнизон, правители стали всячески ублажать Каллибия, чтобы и он, со своей стороны, одобрял все их действия, и так как в их распоряжении была часть прибывших с Каллибием солдат, то они стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они

³⁸ Аристотель. Афинская полития (I, XII, 34).

³⁹ Там же (I, XIII, 35).

попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев»⁴⁰. Вот это уже строки не аналитика, но публициста! «Ублажать Каллибия», «терпеливо переносить надругательства»... Чувствуется личное отношение к происходящему!

Зато у Аристотеля – описание политической технологии. Изложение фактов и их аналитика. Но даже сухие строчки «учебника политологии» завораживают.

Для начала – законотворческая деятельность. Прежде всего, был внесен законопроект, позволяющий «казнить любого из граждан, не принадлежащих к списку трех тысяч»⁴¹. Перечень из трех тысяч граждан был фактически списком государственного кадрового резерва правящей олигархии. В действительности здесь были перечислены ближайшие родственники и члены гетерий⁴² правящей верхушки. Именно из этого списка шло назначение на государственные должности среднего и низшего звена. Своего рода, номенклатура.

Далее – меры государственной безопасности. Для ее обеспечения правящие олигархии «отобрали оружие у всех, кроме трех тысяч, и вообще во всех отношениях стали проявлять еще в большей степени жестокость и злодейские наклонности»⁴³. О, даже политического аналитика Аристотеля проняло! И он не выдержал, начав «выражаться». Но, по сути, меры, принятые для разоружения народа были для него понятны и очевидны. Какая может быть государственная безопасность для олигархической группировки во власти – при вооруженном-то народе! Конечно, его нужно перво-наперво разоружить.

Ну, и, наконец, главное. Ради чего все затевалось. «... когда они укрепили власть свою в государстве, они не стали щадить никого из граждан, но убивали всех, кто только выдавался по состоянию или по происхождению или пользовался уважением. Так делали они, стараясь незаметно устранять опасные элементы и желая грабить их имущество. Так за короткое время они погубили не менее полутора тысяч человек...»⁴⁴ Согласитесь, неплохие результаты для группировки, находящейся у власти менее года.

⁴⁰ Ксенофонт. Греческая история. Перевод с древнегреческого и комментарии С. Я. Лурье. Издание третье. Издательство «Алетейя», Санкт-Петербург, 2000. Книга вторая. Посмотреть текст можно здесь: <http://goo.gl/dsHf0E>

⁴¹ Аристотель. Афинская полития. Там же (I, XIII, 37).

⁴² Гетерия (греч. ἑταῖρια – союз, товарищество) – в древних греческих демократиях союзы знатных для ограждения себя от притязаний народа. Первоначальной их целью была взаимная поддержка при домогательстве должностей, в процессах и т. п. <http://goo.gl/PCjy5r>

⁴³ Аристотель. Там же.

⁴⁴ Там же.

12. Олигархия, как она есть, или праздник жизни на улице «Лучших людей»

Правлении Тридцати – что же это было? Какова политическая сущность данного политического режима? Этот вопрос весьма занимал еще античную интеллигенцию. Более того, сами афиняне затруднялись в квалификации данной формы правления. Вот как описывает это Ксенофонт. «Некоторое время спустя, после того как было казнено много людей, часто совершенно невинных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают»⁴⁵.

«Какие новые порядки их ожидают». Это перевод Ксенофонта, сделанный С. Я. Лурье. А вот Э. Д. Фролов приводит в своей работе совсем другой перевод этого же фрагмента. «многие граждане с недоумением и ужасом спрашивали себя: *что же это за власть?*»⁴⁶

Что же это за власть? Этот перевод намного точнее передает недоумение, охватившее умы афинян. Недоумение, затем перекочевавшее в труды античных историков, писателей, философов, и докочевавшее до наших дней. *Что же это за власть?*

Дело в том, что прекрасно политически подкованные афиняне отлично умели классифицировать все современные им формы власти и технологии их деятельности. Они понимали, как действует демократия. Демократия расставляет на государственные должности людей, зарекомендовавших себя в отстаивании интересов демоса, и пытается противостоять политическим и экономическим притязаниям партии олигархов (аристократов). Да, и здесь дело может дойти до вооруженного противостояния и убийств, но всем понятно – кто, кого и по какому принципу убивает. Сторонники демократии убивают сторонников олигархов.

Также было понятно, как действует олигархия. Олигархия расставляет на государственные посты «лучших людей» и их приближенных из олигархических гетерий, а на законодательном уровне делает все возможное для ущемления интересов демоса и продвижения политических, имущественных и деловых интересов олигархических кланов. И здесь афинянам тоже было все понятно. Кто, кого и по какому принципу убивает – буде дело дойдет до оружия. Сторонники олигархов убивают сторонников демократии. Дело-то насквозь понятное.

Наконец, тирания. И здесь тоже все было достаточно стандартизировано. Тиран ограничивает влияние и интересы олигархов, прикармливая за счет этого партию демократов и опираясь на нее. В случае вооруженного насилия понятно, что страдают олигархи и их сторонники. Демократы же, стоя за широкой спиной тирана, помогают олигархам страдать максимально бодро, качественно, с огоньком. То есть, тиран в союзе с демократами тиранил олигархическую партию. И здесь ничего сложного. Все так делают.

В общем, при всех известных афинянам политических режимах всегда было понятно – кто, кого и за что убивает. А вот при правлении Тридцати все пошло абсолютно не по правилам. Ибо здесь убивали всех. Разумеется, убивали богатеньких олигархов – с удовольствием экспроприруя все, честно нажитое непосильным трудом. Что ж, это было не ново. При тираниях такой *modus operandi* – нормальное явление.

Но столь же охотно убивали и демократических лидеров⁴⁷, что в данном случае совсем уже непонятно. Ведь это для тираний было совершенно нехарактерно. Такое было возможно

⁴⁵ Ксенофонт. Греческая история. Там же.

⁴⁶ См.: Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики. С. 106—107.

⁴⁷ Ксенофонт приводит весьма характерный диалог двух правителей из олигархической тридцатки – Ферамена и Крития – где и поясняется необходимость расправы с лидерами демократов. «Первое время Критий был единомышленником и другом Ферамена. Когда же первый стал склоняться к тому, чтобы казнить направо и налево, не считаясь с количеством жертв, так как сам он пострадал от афинской демократии, будучи изгнанным, Ферамен стал противиться: «Нехорошо, – говорил он, – казнить людей, вся вина которых в том, что они пользовались популярностью в толпе, если от них не было никакого вреда

лишь во времена олигархического правления. Не удивительно, что сбитые с толку афиняне вопрошали: ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ВЛАСТЬ? Какова природа политического режима, свалившегося на их голову с молчаливого попустительства наварха Лисандра?

С подачи античной еще интеллигенции возобладала трактовка, характеризующая Правление Тридцати как некую «расширенную» тиранию. Где на месте одного тирана сидят целых тридцать и тиранствуют себе коллективом – сообща. Во многих источниках, как древних, так и современных, мы именно такое обозначение и находим «Правление тридцати тиранов», «Тридцать тиранов», «Тирания тридцати» и т. д. На каком основании историческая мысль вывела такого рода формулировки?

Исключительно на основании сходства репрессий, осуществляемых всеми греческими тираниями против олигархов, и аналогичными репрессиями при «Правлении тридцати». Оно и понятно. Впечатлительная античная интеллигенция всегда остро реагировала на несчастья «лучших людей». Именно эти несчастья и бросились в глаза как античным, так и современным авторам в процессе политического осмысления природы «Правления тридцати». Раз обижают олигархов – значит тирания.

При этом казни демократов, абсолютно нехарактерные для тиранических режимов Эллады, просто выпускаются из виду. И это тоже понятно. Кого могут интересовать казни каких-то там простолюдинов, когда так страдают «лучшие люди»... Это последнее же всегда так волнительно!

И только умница Аристотель, политолог номер один всего античного (да и средневекового, чего уж там!) мира не повелся на некоторое внешнее сходство «Правления тридцати» с образом действия античных тиранов. В его «Античной политике», в тринадцатой главе Первой Книги, где описывается «Правление тридцати», вы не найдете ни одного употребления термина «тиран», «тирания» и т. д. Только олигархия, и никак иначе!

Почему, в чем здесь дело? Можно только гадать – философ не оставил никаких специальных пояснений на эту тему. Видимо, ему и так все было понятно. А можно не гадать, а подумать собственной головой. И тогда нам тоже все станет понятно.

добрым гражданам. Ведь и я, и ты сам многое говорили и делали только лишь для того, чтобы угодить афинянам». Критий, который был тогда еще другом Ферамена, возражал ему на это: «Честолюбивые люди должны стараться во что бы то ни стало устранить тех, которые в состоянии им воспрепятствовать» (Ксенофонт. История Греции, там же.)

13. «Железная пята» и ее природа

Тирания – режим единоличной власти. Возможен ли он был без опоры на демократическую партию греческих полисов? Ни в коем случае! Опираясь на мечи наемного войска можно было отобрать власть над полисом у олигархических кланов. Но вот удержать ее без опоры на союзников в лице демократических лидеров и их политические клики было невозможно.

Ну, выше всех человеческих возможностей – иметь, к примеру, 3000 лично обязанных и лично контролируемых сторонников, на которых можно положиться, которых можно расставить на ключевые посты в государстве, и т. д. Поэтому опора на демократов и их политические клики для тирана неизбежна.

А вот тридцать олигархов вполне в состоянии лично контролировать 3000 сторонников, состоящих из их родственников и членов клиентелы⁴⁸. И им-то никакие демократические лидеры и их партийные клики для функционирования государственного аппарата точно не нужны. А, наоборот, только мешают, смущая народ политическими призраками «народного правления».

То есть, формулы власти, характерные для греческих тираний и для «Правления тридцати» принципиально различны.

Тирания есть единоличное правление, отнимающее власть у олигархических кланов (ибо власть к этому времени давно находится у них, и только у них), и действующее с опорой на демократических лидеров и их политические клики.

«Правление тридцати» – есть коллегиальная власть части олигархических кланов, узурпирующая власть всего остального олигархата и действующая с опорой на личные клиентелы правящей группировки.

Иначе говоря, «Правление тридцати» ознаменовало собой высшую форму олигархического правления, олигархию, доведенную до своего логического завершения. Когда число реально властвующих олигархов сжимается до физически минимально возможного количества, а все остальное население, в том числе и «бывшие олигархи», в равной степени подвергаются репрессиям и экспроприациям. *Опускаются* все без исключения – вот способ действия, свойственный данной форме власти.

Фактически, это та точка, к которой стремится любое олигархическое правление в своем естественном, не нарушаемом внешними препятствиями, развитии. Та конечная, «последняя» олигархия, которую изобразил, например, Джек Лондон в «Железной пяте». Можно сказать, что «Правление тридцати» и было Железной Пятой, почти год попиравшей онемевшие от ужаса Афины. И если бы не ее военное поражение, неизвестно, как бы еще сложилось будущее великого города.

Теперь понятно, от какого «счастья» избавляли свои полисы военачальники (а в большинстве своем *тирании* в греческих полисах устанавливались именно ими), захватывающие власть и устанавливающие *тиранический* режим правления. Независимо от личных мотивов и устремлений, они наносили правящим олигархиям столь чувствительные поражения, от которых те еще долго не могли оправиться. А далее на их аппетиты накладывала уже свою тяжкую длань выросшая на Балканах македонская монархия.

* * *

⁴⁸ Клиентела – понятие уже из римской истории, обозначающее группу лиц, лично зависимых и лично обязанных своему патрону, поддерживающих его во всякого рода деятельности, обслуживающих его интересы и пользующихся за это его покровительством. В современной политологии понятие получило довольно широкое терминологическое хождение как раз для обозначения подобного рода отношений в современной политической практике.

А сейчас самое время подвести некоторые итоги *случаю Солон – Писистрата*

Первое. Аграрно-политический кризис в Греции VII – VI в. до н. э. был кризисом *политического и экономического всевластия полисного олигархата*, позволяющего ему присваивать основные жизненные ресурсы городских общин, обрекая подавляющее большинство горожан на нищету, кабалу и рабство.

Правда, тут сразу же возникает встречный вопрос. А можно ли это назвать *беспределом*? В самом деле, любые *сильные* мира сего, любая *элита* стремится к максимально возможному увеличению своего могущества, силы и богатства. Это – нормально и естественно. Других элит, других аристократий в природе просто не бывает. Выкачивать ресурсы из социума – их естественное состояние и право, ровно в той же мере, как естественным правом волка является возможность закусывать окружающими его косулями и прочими овечками.

Грести все под себя – это присущий социальным элитам инстинкт номер один. Собственно говоря, именно по этой способности, по этому качеству они – элиты, аристократии – изначально и формируются. Дальше мы посвятим целый раздел вопросу происхождения человеческих аристократий. И обсудим этот сюжет значительно более подробно. Но уже сейчас можно сказать одно: социальный эгоизм – есть главная природная характеристика *лучших людей*. И формирование социальных стратегий и технологий с позиций собственного эгоизма – есть естественное состояние аристократии, как бы она себя ни называла и в каком бы тысячелетии ни проживала.

Так что, сама по себе эксплуатация *демоса* не может считаться *беспределом* со стороны аристократии. Какой бы «бесчеловечной» эта эксплуатация ни была. Ведь и само человеческое общество по сути своей бесчеловечно. Оно лишь воспроизводит на новом уровне те структуры доминирования, что были заложены еще на уровне обезьяньего стада. А это означает, что жрать *слабого* – естественное право *сильного*. Так что, тут все в порядке и находится пока в пределах *понятий*.

Но когда же в таком случае нормальная – *по понятиям* – эксплуатация превращается в *беспредел*? Где та грань, что отделяет естественное право *лучших людей* на всемерное увеличение своего собственного могущества – от *беспредела*?

Такая грань существует. Действия представителей элиты по увеличению своего *частного* могущества становятся *беспределом* тогда, когда начинают серьезно подрывать *коллективное* могущество того человеческого стада, к которому данная элита принадлежит.

Именно эта история и случилась с греческими полисами в VII – VI в. до н. э. Ростовщические схемы закабаления общинников привели к реальному обнищанию подавляющего большинства граждан. И результат не замедлил сказаться. Обнищавший крестьянин или горожанин в принципе не может быть *гоплитом* – тяжеловооруженным пехотинцем фаланги. Ибо вооружение гоплита требует определенного уровня благосостояния.

Таким образом, *личное* обогащение полисной аристократии привело к серьезному ослаблению ее *коллективной* военной мощи, выразившейся тогда в количестве тяжелой пехоты и боевых судов. И вот на этом фоне дальнейшее развитие эгоистических стратегий личного обогащения и усиления могли привести к военному краху полисного социума в целом. Не зря ведь Солон в своих стихах пугал собратьев по аристократическому сословию тем, что «юности радостный цвет будет войной унесен», и что «ведомо иго врагов: град любезный оно сокрушает». Дальнейшее осуществление прежних стратегий обогащения и усиления аристократических кланов Афин могло реально привести к их военному падению.

И вот это уже – *полный беспредел*.

Поэтому совершенно не случайно Солон осуществляет реформы, призванные *поделиться властью и политическим влиянием*. Это, правда, не нынешнее призрачное «разделение властей». Нет, там было все *чисто конкретно*. Власть в городе получают гоплиты, всадники, моряки – те, кто составляет основу коллективного могущества аристократии. Вот с ними,

в соответствии с реформами Солона, и должны были поделиться властью аристократические кланы Афин.

Правда, одной власти оказалось недостаточно. Пришлось поделиться еще и богатством. Этот процесс мы пронаблюдали уже в исполнении тирана Писистрата.

Таким образом, на примере случая Солона – Писистрата мы с вами, уважаемый читатель, можем сформулировать первое, пока еще неполное и несовершенно определение социального беспредела:

«Социальным беспределом» будем мы называть естественные сами по себе эгоистические стратегии аристократических (элитных) кланов по увеличению своего индивидуального богатства и могущества, если реализация этих стратегий наносит существенный ущерб коллективному могуществу аристократического сословия данного социума в целом.

Каждый имеет право идти и напилить дров. Но делать это, отпиливая сук, на котором сидишь – уже беспредел. Так что, совершенно не случайно умный Зорькин призывал российских *лучших людей* к разуму и способности «приподняться над сиюминутностью и эгоизмом». Ведь в противном случае – или гибель, или тирания.

И вот тут мы совершенно естественным образом приходим к возникновению в обществе тиранического режима. Как показывает случай Солона – Писистрата, тирания не падает с дуба и не возникает на пустом месте. Для нее требуется ряд условий.

Первое – факт социального беспредела, ставящий аристократическое сословие в целом на грань *коллапса*. В качестве такого коллапса может выступить угроза военного поражения – как это было в Афинах. А может и просто абсолютный произвол мировых финансовых элит, обладающих сегодня всеми рычагами для того, чтобы диктовать российским «элитариям» как размеры их капиталов, так и режимы пользования этими капиталами. Не говоря уж о возможности в любой момент эти капиталы или их часть просто и незаметливо конфисковать. Так что, факт резкого снижения коллективного могущества российских элит по сравнению с элитами советскими, полагаю, ни у кого сомнения не вызывает. Не вызывал сомнений аналогичный факт и у Солона, небезуспешно взывавшего к инстинкту самосохранения аристократических кланов Афин.

Второе условие, необходимое для возникновения тиранического режима – это готовность одного или нескольких аристократических кланов, объединив усилия, переломить данную тенденцию, пусть даже ценой жизни тех идиотов, которые не понимают, что поезд катится в пропасть. Это – очень важно. Как мы помним, и Солон, и Писистрат принадлежали к богатым и могущественным аристократическим родам.

Дело в том, что собственно народные волнения, выступления и даже бунты против аристократии всегда обречены на поражение. История не знает исключения из этого правила. Лишь представители аристократических кланов, элитных группировок, опираясь на кадровую, организационную и финансовую мощь своих кланов, могут качественно организовать народ, *демос* на то, чтобы серьезно взять аристократическое сословие за глотку.

По-другому не бывает. Все успешные тиранические режимы, разбивающие в пух и прах могущество господствующих аристократий, опирались на кадровый, организационный и финансовый ресурс наиболее решительных и радикальных группировок этой самой аристократии. И здесь история точно так же не знает исключений.

И, наконец, третье условие. Успешный тиранический режим ради достижения успеха всегда идет на *политический союз с демосом*, направленный *против аристократии* как сословия. Соблюдение этого условия мы наблюдаем во всех тиранических режимах Эллады. Несколько позже увидим мы его в тираниях Мария и Цезаря, равно как и в европейских тираниях Нового и Новейшего времени.

Собственно говоря, сама политическая формула тирании выглядит следующим образом. *Тирания – есть политический союз тирана и народа, направленный на сокрушение могущества аристократии.*

Приходящая на смену социальному беспределу тирания, как правило, сопровождается примерно сходным перечнем мероприятий. Первое и ключевое из них – более или менее кровавая экспроприация состояний аристократии, «не внявшей голосу разума». Из этого правила, пожалуй, также нет исключений.

Правда, совершенно напрасно духовные сторонники аристократии будут иронизировать на тему «отнять и разделить». Как раз насчет «разделить» тиранические режимы не слишком-то разбегаются. Зато эпоха тираний всегда оказывается временем *беспрецедентного накопления публичного капитала* – как в виде городских зданий, сооружений, инфраструктуры, культурных институтов, так и в виде укрепляющихся демократических институтов власти.

Да-да, сами по себе демократические институты власти ничуть не страдают под игом тирании, составляя формальный костяк всякой публичной власти и колеблясь в диапазоне функционирования от полностью «управляемой демократии» – до «демократии под надзором». Пример последней мы наблюдаем в Афинах при Писистрате и его наследниках. Но, как можно будет увидеть в дальнейшем, все известные истории тираны проявляли особое внимание к развитию структур местного управления и народного представительства. Ведь народ – это тот самый союзник, без которого никакая тирания невозможна в принципе. Соответственно, политические структуры народного представительства – важнейшая составляющая тиранического режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.